

то слово / прелстилася и увидела жъ, Михайло иде/тъ ко белу шатру, сама возговорит тако/во слово: «Светъ г[осу]д[а]рь, Михайла Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, не хочю жить / у невернова ц[а]ря Кошья Золотой Орды, хо/чю жить у тебя, богатыря светорускова, / возми меня во Киевъ градъ попрже/му». Подносить ему питья пьянова, испи/ваетъ з дороги Михайло питья пьяно/ва и ложится спат у бела шатра. И почела будить лебедь белая ц[а]ря Кошья Золотой Орды: «Во стань, г[осу]д[а]рь, вотъ пришелъ недругъ / твой Михайло Потокъ Ивановичъ, предай ево злой смерти во чистомъ поле» / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья: «Прямая ты || собака безверная, мне Михайла Потокъ / какой недругъ: дважды меня наехалъ во / чистомъ поле, в беле шатре соннова, се / меня не предашь смерти скорые. Ты какъ / хочешъ сама с нимъ». И велель прибрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ воз свою землю, а белую лебе/дь с собою де взялъ. /

А Михайла спалъ два дни и две ноши / и на утрие пробужается, ажно нетъ в у не/во ружья богатырскова, ни палки желе/зные, одинъ стоитъ ево добрый конь, / и тотъ былъ далече во чистомъ поле. И садится Михайла на свой доброй / конь и доежаетъ ц[а]ря Кошья Золотой / Орды, ажно ц[а]рь Кошья на стану сто/итъ и опочивъ держитъ. Идетъ Миха/йло ко белу шатру. И увидела ево лебедь белая, || встречает она ево во беле шатре, сама воз/говорит таково слово: «Светъ Михайла / Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, / что ты мое д[е]лство разтлилъ, не хочу / жить у невернова ц[а]ря, хочю жить у те/бя, богатыря светорускова, возми ме/ня с собою во Киевъ градъ». И тутъ Миха/йло задумался, а опосли воспоминается: хо/щеть со мною жить по старому. И подно/ситъ ему питья пьянова. Испиваетъ з/дороги Михайла Потокъ, ложится спать / у бела шатра. И она почала будить: «Воста/нь, г[осу]д[а]рь ц[а]рь Золотой Орды, пришел недругъ / твой Михайла Потокъ Ивановичъ, преда/й его злой смерти, азъ де не предамъ зло/й смерти, и он тебя предасть злой смерти / во чистомъ поле». / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды: / «Мне Михайло какой недругъ: двожды наехалъ || меня во чистомъ поле соннова в беле/шатре, се не предашь смерти, как хочешъ / сама с нимъ». И лебедь белая снимает / с правой руки берчать рукавъ и зави/ваетъ Михайлу очи ясные, и ударила / ничь рукою: «Лежи ты, Михайла Потокъ / Ивановичъ, во чистомъ поле каменемъ». / И Михайло вес окаменель, а сами поехали / в Золоту Орду. /

Ажно приехали в Киевъ градъ Миха/йловы товарищи, идутъ наскоре къ / великому кн[я]зю Владимиру, бьют чело/мъ о сыру землю, сами возговорять / таково слово: «От насъ тебе, г[осу]д[а]рь, службы / заслужены, привезли дани и выходы». / И великий кн[я]зь подносить зелена вина / и запиваютъ меды сладкими. И почали || спрашивать про Михайлу Потока Ивано/вича. И киеленя⁶ нача рассказывать, какъ при/весъ дани и выходы, и какъ привесъ ле/бедь белую, и какъ кр[ес]тилъ ея, и какъ за / себя женоу взялъ, и какъ без нево три/жды приходилъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды, и какъ Михайла силу кошееву побилъ, и какъ киевляне отдали жenu ево лебе/дь белую, и какъ Михайло в погоню по/гнал. /

Что возговорит Илья Муромецъ: «Поеде/мъ, Олеша Поповичъ, брата Михай/лы сыскивать». И садятся на свое добрые / кони и едутъ далече во чисто поле и при/ежают х белу каменю, ажно у белова ка/мени стоитъ калика прохожая, риза на ней || земли сорочинские, а клубукъ земли гречес/кие, подсумокъ у калики бархатной, вышит золотомъ волоченымъ, а посохъ у / калики рубен зубъ. /

⁶ Так в ркп